

этого лица, но жизненно конкретная и убедительная и поэтому приближающая житие святого к биографии, превращающая отвлеченно-обобщенное повествование о религиозном идеале в рассказ о живом человеке.

Интерес к святому как к реальному лицу, а не только как к схеме, отражающей религиозный идеал, приводит к тому, что в житиях эпизоды, носящие характер сюжетно-увлекательного рассказа, приобретают подчас самодовлеющее значение.

Рассказы о нападениях разбойников на монастырь, на святого — традиционный житийный мотив. Несмотря на традиционность этого мотива, подобные рассказы носят ярко выраженный повествовательный характер. В ситуациях этого рода победителем всегда оказывается святой, которому помогает чудесное божественное вмешательство. Когда в Житии Феодосия Печерского разбойники, решившие ограбить церковь Печерского монастыря, подходят к ней глубокой ночью, то слышат, как в ней поет множество иноков и видят ярко горящие свечи, хотя на самом деле никого в церкви в это время не было. А когда они решают ворваться в храм (в это время там действительно находятся монахи), то церковь перед их изумленным взором поднимается в воздух на высоту, недоступную полету стрелы, а находящиеся в церкви ничего этого не замечают.¹³ Инок Киево-Печерского монастыря Григорий, как рассказывает Киево-Печерский патерик, обладал дарованной ему от бога особой прозорливостью. Когда однажды ночью к его келье пришли разбойники, собиравшиеся ограбить его, то он «ощутил» их приход, и, по его молитве, они заснули и спали 5 дней и 5 ночей, пока святой не разбудил их. Другие «татие» дерзнули ограбить огород святого. Когда грабители взвалили груз на себя, чтобы вынести его, то не смогли стронуться с места и вынуждены были стоять «угнетаемы бремены» до тех пор, пока Григорий не простил их.¹⁴ В Житии Моисея архиепископа Новгородского, написанном Пахомием Логофетом, рассказывается, что святой, охраняя и по своей смерти созданную им обитель, заставляя решивших напасть на монастырь разбойников блуждать по болоту и, «влачаше их по коемуждо единому», заводит в такую трясиину, из которой они не могут вылезти. Лишь после того как разбойники покаялись, он освобождает их и выводит на дорогу. И т. д., и т. п.

Как видим, во всех этих рассказах основная мораль заключается в торжестве святого над враждебными силами. И в этом отношении данный житийный сюжет, несмотря на свою живость, фабульную остроту, все же в известной мере — штамп для самых разнообразных житий. В этой морали (торжество веры, бога над врагами монастыря) рассказов на тему о нападениях на святые обители и заключалась их идейная функция в житийном жанре. Но за этими рассказами, бесспорно, стояла реальная жизнь, и, по-видимому, на самом деле далеко не всегда все оканчивалось столь чудесно благополучно для монастыря, но отражение реальных ситуаций противоречило бы житийному жанру. Поэтому принципиально новым этапом в развитии житийного жанра представляется нам рассказ о нападении на монастырь в Житии Адриана Пошехонского (70-е годы XVI в.). Здесь это не чудесный рассказ о благополучно оканчивающемся конфликте, а яркое повествование о действительном событии, носящее характер сюжетно завершенного, самостоятельного, обширного рассказа.

¹³ См.: Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1911, стр. 38.

¹⁴ Там же, стр. 96—97.